

INSPIRIA

Федра Натрик

БИБЛИОТЕКА

УТРАТ

И

НАХОДОК

INSPIRIA

Novel. Книги. Секреты. Любовь

Федра Патрик

Библиотека утрат и находок

«ФТМ»

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Патрик Ф.

Библиотека утрат и находок / Ф. Патрик — «ФТМ», «Эксмо»,
2019 — (Novel. Книги. Секреты. Любовь)

ISBN 978-5-04-113545-4

Федра Патрик – автор четырех международных бестселлеров, проданных общим тиражом более миллиона экземпляров и переведенных на 22 языка. Читатели считают ее книги теплыми, наполненными остроумием, добротой и дарящими надежду. «Библиотека утрат и находок» – роман для всех, кто питает нежную привязанность к библиотекам, книгам и шелесту бумажных страниц ненастным вечером. Марта Сторм – библиотекарь, потому она всегда легче сходилась с книгами, чем с людьми. Однажды под дверью она обнаруживает посылку, в которой оказывается книга сказок с дарственной надписью от ее бабушки Зельды. Но Зельда умерла при загадочных обстоятельствах много лет назад. Когда Марта находит в книге подсказку, что бабушка может быть по-прежнему жива, она решает во что бы то ни стало выяснить правду и раскрывает семейную тайну, которая перевернет ее жизнь навсегда. «Теплая история о том, что мы сами в ответе за свою судьбу – и потому иногда нужно набраться смелости и написать собственный счастливый финал. Гимн книгам, которые могут принести в твою жизнь все возможные чудеса – и даже любовь!» – Amazon.com

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113545-4

© Патрик Ф., 2019

© ФТМ, 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

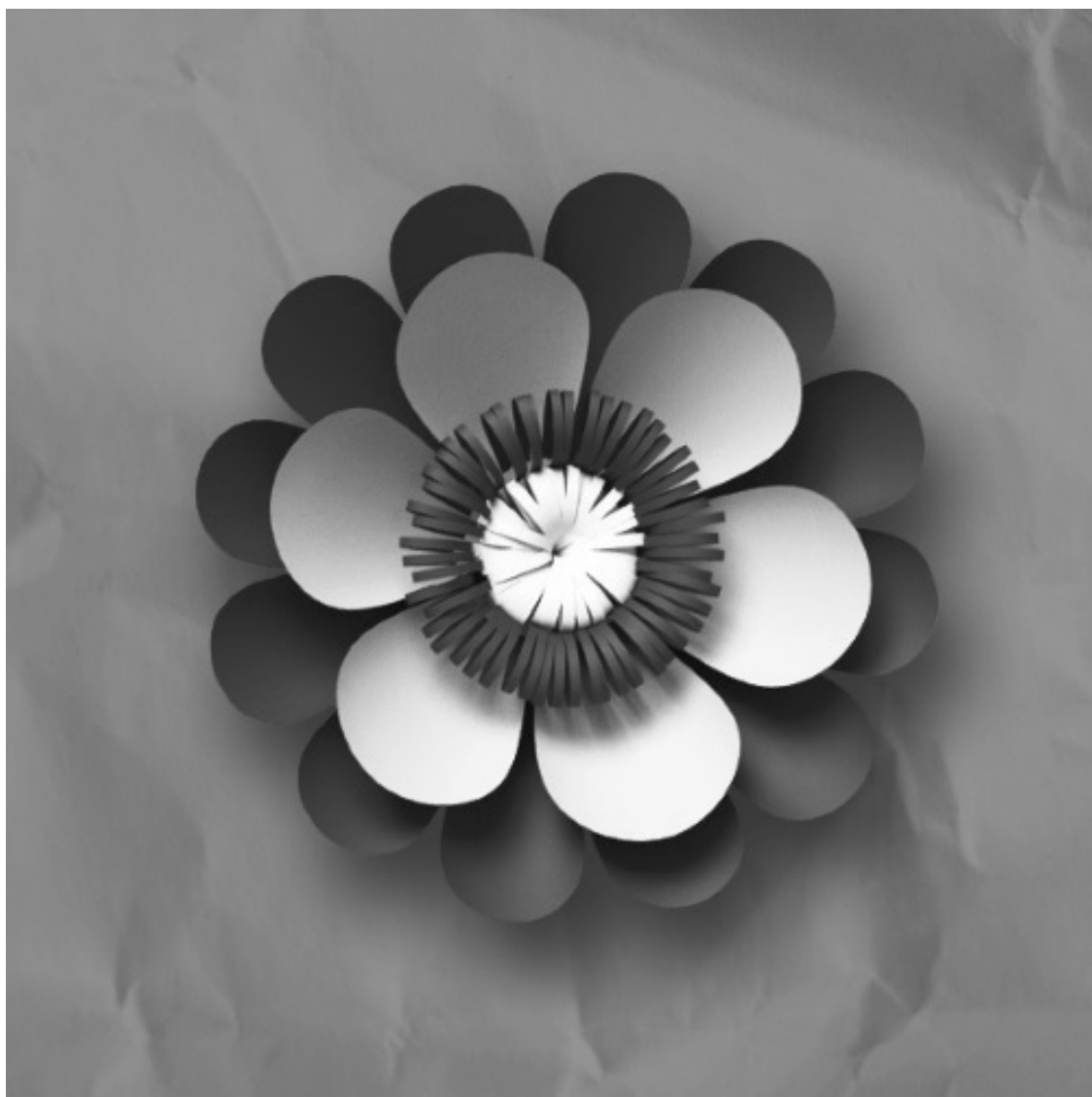
Федра Патрик

Библиотека утрат и находок

Маме, папе, Марку и Оливеру

Phaedra Patrick
THE LIBRARY OF LOST AND FOUND

Copyright © Phaedra Patrick 2019 This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии: © wacomka, Mara008, brulove, P-fotography / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com В оформлении полусупера использована фотография: © wacomka / Shutterstock.com

Перевод с английского Виктора Гольшева и Олеси Качановой

© Голышев В., перевод на русский язык, 2020

© Качанова О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Валентинов день

Как всегда, Марта была полна кипучей деятельности. Подбородок вперед, зубы сжаты, руки стискивают поручень верной тележки для покупок. Она упорно толкала ее вверх по крутому склону к библиотеке, плечи горели огнем. Булыжники, одетые волглой дымкой, что каждый вечер просачивалась в Сэндшифт с моря, скользили под ногами.

К вечернему мероприятию она подготовилась отменно. Все должно было пройти идеально, хотя сама она, как правило, Валентинов день не отмечала. Глупейший ведь праздник? Обманка, чтобы люди скупали плюшевых зверей и шоколад по грабительским ценам. Получи она вдруг валентинку, она бы отослала ее обратно, а дарителю растолковала: все это навязанная чепуха. Однако если за что-то взялся – делай на совесть.

В тележке позвякивали бутылки, доверху набитый черный пакет для мусора шуршал на ветру, из стопки вывалилась книга, и ее страницы трепыхались, как мотылек, угодивший в паутину.

Она купила в супермаркете прекрасное розовое вино, бокалы для шампанского и салфетки с красными розочками. Встала по будильнику в 05.30, чтобы успеть напечь печений в форме сердечек, и без глютена тоже – вдруг у кого из читателей аллергия на пшеницу. Захватила несколько запасных экземпляров романа на подпись автору.

Когда кто-нибудь признательно ей улыбался или выражал благодарность, ее охватывало восхитительное ощущение, одно из лучших на свете. Услышать «Молодец, Марта» – для нее все равно что на солнышке понежиться. Ради этой похвалы она готова была свернуть горы.

На расспросы о работе у нее был заготовлен ответ.

– Я книжный хранитель, – говорила она. – Волонтер в библиотеке.

Она устраивала мероприятия, проводила экскурсии, делала закупки, подшивала документы, давала советы по трудоустройству; выступала в роли часов-напоминалки, ключницы, ходячей энциклопедии, запасника канцелярской мелочовки; подсказывала милое местечко, куда можно выбраться на ланч; если кому-то требовалось выплакаться, подставляла плечо – и все это разом.

И все это она любила, не любила разве что будить посетителей перед закрытием и наткаться в книгах на странные закладки (пилку для ногтей, талон в клинику сексуального здоровья, засохший ломтик бекона).

Тарахтя тележкой мимо группки мужчин в сине-желтых шарфах сэндшифтского футбольного клуба, Марта окликнула их:

– Не забудьте, сегодня вечером в библиотеке мероприятие.

Но они лишь обменялись смешками и пошагали себе дальше.

Когда Марта наконец дотолкала тележку до небольшого приземистого здания библиотеки, у входной двери обнаружился грузный силуэт сидящего на корточках мужчины.

– Привет! – крикнула она, согнув запястье и глянув на часы. – Вы пришли на пятьдесят четыре минуты раньше.

Темная фигура повернула голову и, кажется, посмотрела на Марту, а потом метнулась прочь и скрылась за углом.

Марта покатила тележку по дорожке. На двери полоскался плакат – с сильно заретушированного фото лучезарно улыбалась писательница Люсинда Ловелл. Наискось через ее лицо шла жирная черная надпись: «Отмена».

Марта неверяще распахнула глаза. В животе екнуло, словно ее внезапно выпихнули на эскалатор. Она приставила ладонь козырьком к глазам и вгляделась внутрь здания.

Тихо, темно. Ни души.

Она протянула дрожащие пальцы и коснулась слова, перечеркнувшего все ее усилия последних двух недель – планирование, организацию. *Отмена*. Слово, которое ей никто не потрудился передать.

В горле еще стоял комок, а дисциплинированный мозг уже включился и стал перебирать, кому бы позвонить. Управляющий региональными библиотеками Клайв Фолдс ведет жену в бистро «Дом омаров» на ужин в честь Дня влюбленных. Именно он вместе с издателем устраивал приезд Люсинды. Младший библиотекарь, беременная Сьюки Макдоналд, готовит для своего бойфренда Бена луковый пирог с сыром – аргумент, призванный убедить его дать их отношениям еще один шанс. А Марта все разруливает.

В очередной раз.

– Ты живешь одна, значит, у тебя больше свободного времени, – заявил ей Клайв, когда просил взять на себя приготовления к мероприятию. – У тебя нет семейных обязательств.

При воспоминании об этих словах в груди стало тесно, руки повисли плетью. Марта отвернулась, сделала глубокий вдох и заставила себя распрямить спину.

«Ничего страшного», – подумала она.

Видимо, для отмены была уважительная причина – серьезная болезнь, а может, авария со смертельным исходом.

Все, кто придет, увидят плакат.

– Пойду-ка я домой, займусь другими делами, – пробормотала она.

Согнувшись, Марта ухватила за бока тележки и рывком развернула ее в обратном направлении. С верха сорвалась и плюхнулась на дорожку прозрачная пластиковая коробка. Марта наклонилась за ней и увидела, что печенье внутри поломались.

Лишь тогда она заметила коричневый бумажный сверток, притулившийся у порога. Прямоугольный, обмотанный крест-накрест бечевкой, завязанной бантиком, – наверное, его оставил тот смутный субъект. На свертке было накорябано ее имя. Она подняла его, ощупала. Кажется, книга.

Марта положила ее в тележку к поломанным печеньям.

– *Что, правда?* – в сердцах произнесла она; что только не придумают читатели, чтобы не платить штраф за просрочку книг.

Тележка норовила скатиться вниз по склону, приходилось ее придерживать.

Коричневый бумажный сверток подскакивал внутри, пока она преодолевала булыжники. Она шла мимо домов оттенка засахаренного миндаля, в воздухе пахло солью и водорослями. Из «Дома омаров» доносились смех и брэнчанье испанской гитары, и на миг она остановилась. Она ни разу здесь не была. Сюда было принято ходить парочками.

Через окно она мельком увидела Клайва, они с женой сидели, почти соприкасаясь над столиком лбами. Лица их освещало трепетное пламя свечей. Мыслями они явно были далеко от библиотечных дел.

– *Миссис Фолдс стоит быть поосторожнее, как бы волосы не вспыхнули,* – подумала Марта, отводя глаза. – *Надеюсь, в обеденном зале есть огнетушители.*

Она нашла свой блокнот «Чудо-женщина» и пометила себе уточнить этот момент у владелицы бистро Брэнды Тейлор.

Вернувшись домой, в свой старый коттедж из серого камня, Марта оставила тележку снаружи. Года два назад она там и нашла ее, ничейную, и приспособила для своей миссии стать незаменимой соседкой.

Разгрузив тележку и войдя в прихожую, она сложила свою ношу аккуратными кучками на полу и прошла дальше, обходя винные бутылки. Коричневый бумажный сверток пристроила на краешек обеденного стола, заваленного всякой всячиной.

Две недели назад, в редкий свой визит, сестра Лилиан обвела столовую взглядом и уперла руки в бедра.

– Марта, пора с этим уже что-то делать, – сказала она, сощурившись. – До твоей кухни добраться – все равно что полосу препятствий преодолеть. Мама с папой не узнали бы свой дом.

Сестра была права. Бетти и Томас Сторм любили, чтобы дом сверкал, чтобы каждая вещь была на своем месте. Но пять лет назад они умерли, а дом остался Марте. Их уход она залечивала тем, что старалась быть полезной людям, и наполняла дом вещами, требующими заботы.

Черный велюровый диван, на котором они втроем, бок о бок, каждый вечер смотрели телевикторины, теперь был полностью завален. Томас любил режим повышенной яркости, когда лица дикторов и актеров отливают оранжевым. Теперь телевизор был погребен под гобеленом из местной церкви, который Марта взялась подлатать.

– Здесь все очень важное, – сказала она Лилиан, обводя рукой комнату. И терпеливо пояснила: хозяйственные сумки, пластиковые корзины, горы вещей на полу, на столе и вдоль стен – все это дела. – Я помогаю людям. А в коробках – мамины и папины вещи.

– Настоящая Берлинская стена.

– Давай вместе их разберем? Решим, что оставить, что выкинуть.

Лилиан запустила пятерню в свои задорого высветленные бликами волосы.

– Честно, я не против, если ты займешься этим сама, Марта. У меня двое детей на руках, да еще строители никак оранжерею не закончат. – Меж бровей у сестры залегли две складки – они появлялись у нее всегда, когда ее что-то огорчало. Формой они напоминали Марте антилопыи рога. Сестра называла это *мамина бровь*. Лилиан посмотрела на часы и покачала головой. – Слушай, прости, мне пора бежать. Созвонимся, ладно?

Но с тех пор сестры так и не поговорили.

И вот теперь Марта лавировала между корзинкой с хрустальной люстрой Брэнды, которую сама вызвалась помыть, и школьными брюками Уилла, своего племянника, которые она обещала отпустить и подшить заново. В черных пакетах для мусора лежало грязное белье Норы – у нее сломалась стиральная машинка. Марта перешагнула через голову дракона из папье-маше – у него после школьного праздника в честь китайского Нового года пострадали ухо и щека. Две недели у нее обретались рыбки и горшки с растениями Горацио Джонса, который уехал в отпуск.

Дверца Мартиной духовки сверкала чистотой, в водопроводный кран можно было глядеться, как в зеркало, но почти весь пол был оккупирован этими «одолжениями».

А разложено все так было для удобства – рассмотреть, оценить и решить, за что взяться прежде всего. И сделать пометку в блокноте: зеленые галочки – выполнено, янтарно-желтые звездочки – в процессе, красные точки – потерпит. Занятость сродни чистоплотности. Или там было «праведности»?¹

А еще чем дальше, тем больше она обнаруживала, что дела ее не отпускают. Руки и ноги находились в постоянном напряжении – делать! спешить! – как у спортсмена в ожидании выстрела стартового пистолета. Да и к тому же перестань она хлопотать для других, что останется в ее жизни?

После тележки ломило руки и спину, но она все равно взялась за Уилловы брюки. На диване места уже не было, пришлось пристроиться на деревянном кресле у окна с видом на залив.

¹ Отсылка к фразе из проповеди протестантского священника, основателя методизма Джона Уэсли «Чистоплотность сродни праведности» (1778).

Море снаружи мерцало серебристым и черным, и луна на небе сияла почти в полную силу. Склонив голову над тканью, Марта старательно прокладывала аккуратные, одинаковые стежки, миллиметра по три каждый, – для сестры хотелось особенно постараться.

Она протянула руку за ножницами. И задела рукавом коричневый бумажный сверток, тот опасно лежал на самом краю обеденного стола. Марта пальцем подтолкнула его от края и вдруг заметила сзади чернильный штампик.

«Прочитанные и букинистические книги Чемберлена», Малтсборо.

– Хм, – вырвалось у нее; никогда раньше она не слышала о таком книжном магазине. Но если в свертке подержанная книга, то зачем ее сдали в библиотеку?

Марта с любопытством переложила сверток на колени. Развязала бантик и медленно развернула коричневую бумагу.

Внутри ожидаемо оказалась книга, только без обложки и титульного листа. Книга была явно не библиотечная; Марте она напомнила тех лысых котов, что вроде и коты, но все равно выглядят странно.

Страницы снаружи были ветхие и в пятнах, словно на них опрокинули кофе. Верхняя была порвана – из-под нее выглядывала черно-белая рыба, плывущая среди волн. Сверху лежали визитка и записка от руки:

Дорогая мисс Сторм!

Посылаю вам книгу, которая недавно ко мне поступила. Из-за плохой сохранности продать ее не удастся, однако для вас она может представлять интерес, судя по сохранившейся внутри надписи.

С наилучшими пожеланиями,

Оуэн Чемберлен,

владелец

Подрагивающими от предвкушения пальцами Марта медленно перевернула несколько первых страниц, разглаживая их ладонью, и обнаружила изображение русалки, а над ней надпись от руки:

Июнь 1985

Моей дорогой Марте Сторм

Блистай всегда.

Зельда

х

Кто-то ахнул; оказалось, восклицание слетело с ее собственных губ.

– Зельда? – прошептала она и тут же прихлопнула рот ладонью.

Много лет не произносила она имени своей бабушки. А тут оно вырвалось, и она почти испугалась, что перед сейчас ней возникнет отец с леденеющими от злости глазами.

Зельда была неистощимой выдумщицей, благодаря ей в доме легче дышалось. Она носила бирюзовые одежды и очки «кошачий глаз» в черепаховой оправе. Она единственная спасала Марту от напряжения, клубящегося над семейством Стормов.

Марта перечитала надпись, и у нее перехватило дыхание.

Нет, это невозможно.

Пальцы вдруг ослабели, и она могла лишь наблюдать за тем, как книга выскальзывает из руки и с глухим стуком падает на пол, шелестя пожелтевшими страницами и раскрываясь на каком-то развороте.

Глава вторая

Книжица

Подобрав книгу с пола, Марта попыталась сосредоточиться и вспомнить, видела ли она ее прежде. В голове всполохами метались имя Зельды и ее послание. Мозг, однако, подтормаживал, не в силах осознать странное открытие. Ощущая бегущий по спине холодок, она вернула потрепанную книжку на стол.

И вздрогнула, когда из часов на стене высунулась кукушка и прокуковала девять раз. Срочно надо глотнуть свежего воздуха, поняла Марта, и устремилась к черному ходу.

Резкий порыв ветра за порогом взлохматил волосы, и она смахнула пряди, лезущие в ее крупноватый рот. Густые, орехового оттенка кудри с проседью вызывали ассоциации с зеброй, а глаза были такими темными, что казались карими, хотя на самом деле были зеленые, цвета водорослей.

Юбка в «огурцах» и вышитая футболка из супермаркета слабо защищали от ночной прохлады. Когда живешь на вершине продуваемого ветром утеса, от нарядной одежды мало проку, да и без практичной обуви никуда. Зато она обожала небольшие блестящие заколки. Одна такая сияла сейчас в ее кудрях.

В конце сада Марта остановилась и обхватила себя руками. Подростком она любила сидеть на краю утеса, свесив ноги, а внизу бушевало и пенилось море. Она укладывала на колени блокнот и размышляла о том, как описать луну.

Она похожа на пробку от бутылки, на платиновый диск, на дырку от пули в черном бархате, на подброшенную в небо серебряную монету...

Она написала рассказ и показала его Зельде.

– Ага, – горячо одобрила бабушка. – Чудесно. Умница девочка.

Но теперь, когда Марта смотрит на небо, луна – это просто луна. А звезды – просто звезды.

Вместе с Зельдой исчезли все Мартины надежды и мечты, пропали желание и способность сочинять истории.

Марта старалась не думать о послании в книге, но оно снедало ее изнутри.

Звонить Чемберлену было поздно, сестру не хотелось отрывать от любимой передачи о теплицах. Это была тайная отдушина Лилиан, эдакий час спа-отдыха от детей, Уилла и Роуз. И все же именно с ней Марта должна была поговорить.

Решительно кивнув, она вернулась в дом и подняла трубку.

Пока шли гудки, Марта представила сестру, как та сидит, поджав ноги, на бархатном диване цвета баклажана. Лилиан работала на дому, закупала товары для одного онлайн-бутика, и сейчас на ней, наверное, были привычные белые джинсы в обтяжку, свитер из ангорской шерсти и бронзовые лодочки. Волосы, как всегда, уложены в гляцевитый «боб» медового оттенка.

Ее звонок был встречен протяжным зевком.

– Марта, вообще-то вечер пятницы. – Бриллиантовые перстни Лилиан звякнули о трубку.

– Знаю. Прости.

– Обычно ты в это время не звонишь.

Марта, сглотнув, покосилась на загадочную книгу.

– Ммм... Да. Я просто подшивала Уиллу брюки... Но произошло нечто странное.

Лилиан откликнулась равнодушным «хмм».

– Закинешь их ко мне, когда доделаешь? Они ему коротки, в них он в школе, как пират. А новую книжку Сесилии Ахерн ты для меня зарезервовала?

– Да, я ее для тебя отложила. Так вот про это странное...

– С хорошей книгой легче продержаться, понимаешь? Отвлечься. Дети сейчас то и дело дуются. А Пол, он, ну... – Она скомкала фразу. – Повезло тебе, ни о ком голова не болит

– А может, лучше бы болела, – задумчиво произнесла Марта, обводя взглядом сумки, коробки и голову дракона. – Так что ты там говорила насчет Пола?

– А, ничего, – пробормотала Лилиан. – Вообще-то я думала, тебе нравится жить одной.

Марта закусила краешек ногтя на большом пальце и не ответила.

Лилиан и Пол были женаты двадцать лет. В тот же год, что они отправились к алтарю, Марта вернулась в отчий дом присматривать за родителями. Думалось, ненадолго, но они все больше и больше не могли без нее обходиться. Кончилось тем, что она ухаживала за ними пятнадцать лет, до самой смерти.

Ей до сих пор порой виделся в кресле отец: с застывшей, словно восковой, улыбкой он просит то тапочки, то ужин, то переключить канал в телевизоре, то подать свежую «Таймс» или стакан молока (подогретого, но не обжигающего).

Мать любила вязать крючком небольшие лоскутки, из которых потом сшивала шарфы и покрывала для местного дома престарелых. Позднейшие воспоминания Марты о ней были неразрывно связаны с розовыми и желтыми, как в торте «Баттенберг», квадратиками из шерсти.

Лилиан периодически, когда позволяли семейные обязанности, помогала, но ограничивалась тем, что приносила для мамы журналы и бесчисленные мотки шерсти. Еще она читала отцу его любимые энциклопедии. Могла с Уиллом и Роуз усадить всех за «Монополию» или просмотр «Властелина разума» по телевизору.

Ежедневные бытовые стычки, мытье волос, возня с обезболивающими, поездки к докторам, вылазки на утренние кофепития в церкви, приготовление еды и уборка лежали на Марте.

– Так что ты звонишь? – спросила Лилиан.

Марта потянулась к книге. Теперь та показалась ей как-то меньше, незначительнее.

– Сегодня вечером у библиотеки для меня оставили сверток. Прислонили к двери.

– Это моя Сесилия Ахерн?

– Нет. Это старая книга, похоже, со сказками. – Марта снова перечитала дарственную надпись, и ее пробила нервная дрожь. – Ммм, похоже, она принадлежала Зельде.

– Зельде?

– Нашей бабушке.

– Я в курсе, кто это.

Повисла неловкая пауза, тяжелая и давящая. В голове у Марты сверкнул образ: они с Зельдой сидят в дальнем конце сада на краю утеса и молотят пятками по обрыву.

– А тебе никогда не было интересно, что с ней стало?

– Мы и так знаем. Она умерла больше тридцати лет назад.

– Мне всегда казалось, что мама с папой нам чего-то недоговаривают насчет ее смерти...

– Марта, ну ты даешь! – Голос Лилиан сделался резким. – Мы были маленькими. Нам что, отчет о вскрытии надо было предъявить? В любом случае старовата ты уже для сказок.

От такой колючей реакции плечи Марты непроизвольно дернулись. *Сказки хороши в любом возрасте*, – подумала она.

– Я захвачу ее завтра с собой в библиотеку, – упавшим голосом проговорила она. – Будешь проходить мимо – зайди посмотреть. Внутри дарственная надпись, только с ней что-то подозрительное. – Лилиан промолчала. Марта продолжила: – Там стоит дата...

Трубка очнулась.

– Мне надо идти.

– Но эта книга...

– Послушай, – сказала Лилиан, – просто поставь ее на полку и забудь. У тебя и без того есть чем заняться. Я к тебе на днях заеду, хорошо?

И она отключилась.

Марта смотрела на трубку и слушала короткие гудки. Никогда еще сестра не казалась такой огорченной – неужели Марта слишком на нее давила? Она мысленно сделала зарубку поскорее доделать брюки для Уилла, лишь бы только Лилиан снова улыбнулась.

Она захлопнула потрепанный томик, решив, что сестра, вероятно, права. В конце концов, из них двоих именно она была успешной: хорошая работа, роскошный дом с верандой, прекрасные сын и дочка. А удел Марты – разные унылости, вроде ухода за рыбками Горацио и его же растениями. И драконью голову пора бы уже вернуть в школу.

Она взялась за блокнот «Чудо-женщина», и красные точки – отложенные дела – сверкнули на нее глазами дьявола. Нужно было наметить новое задание и поставить напротив него аккуратную зеленую галочку. Но мысли упорно ускользали обратно к книге. Ее раздирали любопытство и недоверие.

Допустим, бабушка действительно написала это посвящение и проставила дату, только вот кое-что катастрофически не сходилось.

Потому что Зельда умерла в феврале 1982-го.

За три года *до* надписи и даты в этой книжице.

Глава третья

Красавица и чудовище

Бетти, 1974

В последнее время Бетти перешла с покупки масла высшего сорта на маргарин. Сквозь дырочку на подошве одной из бежевых лодочек под ногой ощущались половицы, а на ее любимой синей юбке в горошек отскочила пуговица. Гофрированный «боб» приходилось подравнивать самой.

Как по ней, имело смысл поискать подработку. Но муж Томас был человеком традиционного склада. Считал, что кормить семью должен он, а Бетти пусть занимается домом и двумя дочерьми, Мартой и Лилиан. В итоге с деньгами в хозяйстве Стормов частенько было туго. Кроме того, Томас настаивал, что читать девочки должны только познавательную литературу. Он приобрел у коллеги набор из двадцати энциклопедий и по вечерам усаживал всех за чтение.

В общем, Бетти не стала говорить ему о купленной книге. Перед этим изданием «Красавицы и чудовища», с прелестной лиственной-зеленой обложкой и золотыми тисненными буквами, она не смогла устоять. В детстве мать, Зельда, читала ей эту чудесную сказку, и Марте, она знала, книга тоже понравится. Порой действительно проще о чем-то умолчать.

В тот день Томас вернулся с работы раньше и дремал в столовой в своем кресле. Развернутая «Таймс» лежала у него на коленях – эти черные костюмные брюки он носил и у себя в бухгалтерской конторе, и вообще везде. В комнате пахло фрезиями – их он дарил Бетти по пятницам.

Бетти всмотрелась в его лицо – спит ли? Дотянувшись до верхней крышки буфета, она схватила припрятанный там розово-белый бумажный пакет и сунула его под мышку.

Крадясь на цыпочках мимо мужа, она случайно задела юбкой его руку, он громко всхрипнул. Бетти напряженно замерла на месте. Проворно спрятала книгу за спину и затаила дыхание.

Тикали часы с кукушкой, Томас посапывал во сне. Бетти на всякий случай выждала и лишь потом осмелилась выскользнуть из комнаты и прикрыть за собой дверь.

– Мам, все хорошо? – подняла голову Марта.

Она расположилась на коврике и, лежа на животе, писала в блокноте рассказ.

– Конечно, дорогая, – с улыбкой откликнулась Бетти. – Просто не хотела будить папу.

Она помедлила, рассматривая дочерей. При взгляде на них у нее заходило сердце, и она дивилась, до чего же они несхожи.

Лилиан спала, свернувшись калачиком в кресле. В четыре года ей до сих пор необходим дневной сон. Чудесные белокурые волосы венчиком сияли вокруг головы, словно гало вокруг послеполуденного солнца, а на коже виднелся пушок, как у персика.

Марта была совсем другой. Ее непослушные волосы не сияли и отказывались гладко лежать, и, чтобы с ними справиться, Бетти заплетала их в толстую косу. Марта была на четыре года старше Лилиан и до самозабвения обожала читать и писать истории. Лилиан прагматичностью пошла в отца. Сказки она слушала, хмуря брови, и заявляла, что Золушкины хрустальные туфельки разбились бы от танцев и что мыши в лошадей не превращаются.

Наклонившись, Бетти погладила Марту по косе и ласково дернула за кончик. Вынула книгу из пакета и протянула на раскрытых ладонях.

Лицо Марты озарилось улыбкой.

– Это мне? – спросила она.

Бетти коротко кивнула и прижала палец к губам:

– Тсс.

Указала на дверь и изобразила, будто спит на подушке. Придвинув думку, уселась на диван и поманила дочь к себе.

Марта вскочила с пола и примостилась рядом. Бетти на миг прижалась к дочкиной макушке, с наслаждением ощущая подбородком тепло ее волос. Провела рукой по обложке и торжественно раскрыла титульную страницу.

– Готова? – спросила она; Марта кивнула.

И в наступившей тишине Бетти принялась читать.

Она сразу поймала себя на том, что приглушает голос и торопится. Что через каждые несколько строк бросает взгляд на дверь в гостиную и напряженно прислушивается к шагам. Обычно Томас спал часа полтора, иногда и больше, но кто его знает. Бетти изо всех сил старалась наслаждаться чтением, однако то и дело запинаясь. Марта сидела, привалившись к ее плечу. Трогала пальчиком картинки и слова.

Бетти как раз дочитала «... и жили они долго и счастливо», когда дверная ручка медленно, скрипуче повернулась. Бетти проворно сунула книгу под подушку за спиной и выпрямилась, вся внимание. Прошла, кажется, вечность – и дверь наконец открылась.

Томас был крупным, плотным мужчиной под метр девяносто, зализанные назад черные волосы блестели, как деготь. Он был на четырнадцать лет старше Бетти и всего на четыре младше Зельды и своей старомодной внешностью напоминал киношного идола пятидесятых – картины с участием таких крутили на утренних сеансах.

– А чем это заняты мои девочки? – поинтересовался он, входя. – Чем-нибудь полезным?

При мысли о книге у Бетти вспыхнули щеки. Теперь она чуточку устыдилась, что купила и спрятала книгу.

– Мы тут немного читали, да, Марта?

Марта кивнула.

– Грандиозно, – одобрил Томас.

Подняв брови, он обшарил взглядом комнату и уперся в книжный шкафчик под окном. Все до единой двенадцать энциклопедий стояли в ряд на своем месте. Помедлив, он шагнул вперед и обхватил Бетти за талию. Притянул к себе, ухмыльнулся и откинул назад, словно в танго. Навис над ней и запечатлел на губах поцелуй.

– Я уже говорил, что ты сегодня чудесно выглядишь?

Бетти засмеялась, сердце ее затрепетало от радости.

Они выпрямились и с улыбкой посмотрели друг на друга. Тут по его лбу пробежала тень. Он заглянул ей за плечо и протянул руку к подушке.

– А это что такое? – спросил он с удивлением, отодвинув подушку в сторону. – Новая книга?

Он схватил ее и уставился на обложку; Бетти сглотнула. Зрение у него как у орла, иначе как бы он сумел ее разглядеть? Надо было что-то сказать, невзирая на пересохшее горло.

– Да, – наобум ляпнула она. – Как раз собиралась тебе рассказать. В книжном магазине было специальное предложение, а мы давно не покупали девочкам новых сказок. А эта такая красивая, и я...

Томас кивнул. Не выпуская из руки книгу, погладил Бетти по щеке:

– Очень заботливо с твоей стороны, но они лишь совсем недавно получили энциклопедии. И те для них гораздо полезнее, чем эта чепуха. Мы ведь не хотим испортить детей, правда? Да и с деньгами туго. – Он понизил голос. – Хм, так и быть, окажу тебе услугу, отнесу книгу обратно в магазин.

Перед его логикой Бетти терялась. Когда он растолковывал ей про семейный бюджет, про то, почему он против, чтобы ее мать покупала девочкам глупые игрушки, его доводы неизменно казались резонными. Если же она пыталась высказать свою точку зрения, он выслушивал, но в конечном счете он ведь был старше и знал все лучше ее.

Со смешанным ощущением грусти, вины и благодарности она протянула ему пакет в розово-белую полоску, в котором лежал чек.

– Спасибо, – тихо сказала она.

– Всегда пожалуйста. – Он чмокнул ее в щеку. Положил в пакет книгу и сунул его подмышку. – Читайте дальше, я не против. Думаю, Марте понравится в энциклопедии раздел о цветах.

– Она его уже несколько раз прочитала, – тихо молвила Бетти.

– Видишь, как ей нравится.

Томас направился было в гостиную, но тут в дверь позвонили.

Зная, что муж не любит открывать незнакомым людям, Бетти устремилась к окну. Отодвинув краешек занавески, она увидела белокурую головку своей матери в шелковом шарфе. Длинное бирюзовое платье развевалось на ветру, и Бетти уже отсюда ощущала ее духи, «Youth Dew» от Эсте Лаудер.

– Это мама, – сообщила она через плечо.

Томас напряженно выпрямился.

– Что *ей* нужно? – фыркнул он.

Марта подскочила:

– Бабушка!

Кинулась мимо него в прихожую и распахнула входную дверь.

Зельда вошла в гостиную в обнимку с Мартой – та держала ее за талию, а щекой крепко прижималась к груди.

– Я написала новую сказку, бабушка, – похвасталась Марта.

– Чудесно. Жду не дожусь ее послушать. – Зельда мягко отстранила Марту и огляделась. – А, здравствуй, Томас, – произнесла она так, словно только сейчас его заметила. – Миленький у тебя пакет. Воспитываешь в себе женское начало?

Томас выдавил улыбку.

– Рад видеть вас, Зельда. Нет, просто собираюсь отнести кое-что обратно в магазин, Бетти попросила.

– Это *так* заботливо с твоей стороны.

Интересно, думала Бетти, а постороннему человеку тоже было бы заметно сквозящее в голосах Зельды и Томаса презрение, когда они обмениваются репликами? Речь Томаса становилась резче и быстрее, Зельда начинала выговаривать слова чуть в нос, с легкой издевкой. Между ними всегда ощущалось напряжение, но Бетти старалась этого не замечать.

Мать неоднократно говорила Бетти о том, что Томас слишком жесткий и упрямый. Томас, в свою очередь, считал Зельду взбалмошной и легкомысленной.

– Это «Красавица и чудовище», – сказала Марта. – Мы успели ее прочитать, а потом папа ее забрал, чтобы вернуть в магазин. Тебе бы она понравилась.

– Конечно, понравилась бы, – подтвердила Зельда. И бросила взгляд в сторону Томаса. – К счастью, я тебе кое-что принесла, блистательная моя девочка.

Она порылась в своей бирюзовой сумке и вынула зеркало из пластика, розового, как фламинго, размером с обеденную тарелку. Раму украшали белые пластмассовые маргаритки.

Марта ахнула.

– Какое красивое! Спасибо, бабушка! – радостно воскликнула она, забирая его. – «Зеркало, зеркало на стене...»

– «...Кто прекрасней всех на земле?» – подхватила Зельда. – Ты и Лилиан. Будете обе в него смотреться и любоваться собой.

Глаза Томаса, заметила Бетти, неодобрительно сузились:

– Очень любезно с вашей стороны, но у детей уже масса всего. Приберегли бы вы свои денежки на черный день.

– Вот уж скукота, – пожала плечами Зельда, опускаясь на пол. – Не смею тебя задерживать, Томас. Не надо вокруг меня танцевать.

Томас провел языком по зубам. Уставился на Бетти, пытаясь поймать ее взгляд, но та притворилась, что ничего не замечает, и упорно отводила глаза.

Наконец он произнес:

– Увидимся, – и закрыл за собой дверь.

Зельда шумно выдохнула, подчеркнуто демонстрируя облегчение от его ухода.

– А теперь я с удовольствием послушаю твою новую сказку, Марта. Прочитаешь?

Бетти видела в окно, как Томас прошел по дорожке и открыл калитку.

Марта уселась на полу, скрестив ноги. Принялась листать блокнот в поисках нужной страницы, коса ее раскачивалась из стороны в сторону. Откашлявшись, Марта стала читать...

Девочка-птица

Жили-были девочка, ее мать, отец и сестра. Семья у них была счастливая, только девочка часто грустила, сама не зная почему. Она чувствовала, что что-то не так, но что именно, не знала.

Каждый вечер, ложась спать, девочка мечтала превратиться в птицу. И летать высоко в небе, ведь там не нужно все время быть умной и хорошей.

Однажды вечером после чая, когда над столом снова висело какое-то невысказанное напряжение, девочка сидела у себя в комнате и в отчаянии ломала руки. Терпение у нее лопнуло, и она решила приклеить к рукам и ногам перья, чтобы стать похожей на птицу. Она долго их наклеивала, а потом открыла окно своей спальни. Но земля лежала далеко внизу, девочка испугалась и не прыгнула.

Наутро ей пришлось отдирать от себя перья, отчего кожа у нее покраснела и воспалилась. Родителям она объяснила, что обгорела, когда она играла на улице. Но они были заняты младшей сестрой и не стали ее расспрашивать.

На следующий вечер девочка снова приделала перья. И снова не решилась прыгнуть из окна.

Так продолжалось ночь за ночью.

Девочка проводила время с родителями и сестрой. А когда вдруг чувствовала, что что-то не так, шла и приклеивала перья.

Однажды вечером девочка беспомощно стискивала кулаки и снова боялась прыгнуть, и тут за окном появился черный дрозд. Он постукал желтым клювом по стеклу: открой.

Девочка так и сделала, а потом вылезла к нему. Дрозд, склонив головку набок, долго сидел рядом с ней, и наконец она решилась сделать шаг.

В первый раз девочка упала, угодив в куст, который своими большими и маленькими ветками расцарапал ей лицо. Дрозд слетел вниз и наблюдал, как она из него выпутывается.

На вторую ночь девочка упала прямо на землю и ушибла колени. И дрозд сидел рядом до тех пор, пока она не смогла встать и пойти в дом.

На третью ночь девочка пролетела над садовой калиткой, взмыла в небо и почти сумела дотронуться до звезд. И опустилась на берегу красивого озера.

Кругом было тихо, спокойно и красиво, а дрозд сидел у нее на плече. Девочка наконец научилась летать, но теперь ей стало грустно.

– Я не знаю, что мне делать, птишка, – сказала она. – Я так долго хотела улететь прочь, а теперь сомневаюсь. Не лучше ли мне остаться дома, хоть я и чувствую себя там чужой?

Черный дрозд улетел и вернулся, неся в клюве осколок зеркала. Девочка посмотрела на свое отражение и увидела, что перья, которые она приклеивала каждый вечер, вросли в кожу. Она ждала, пока что-то изменится в доме, а в итоге изменилась сама. Она стала более решительной и самостоятельной и теперь, глянув на маленького черного дрозда, сделала выбор.

И пусть она не знала, что ждет девочку-птицу в большом мире, она поднялась на цыпочки и взмахнула руками. И они с дроздом улетели прочь, чтобы никогда больше не возвращаться.

Глава четвертая

Библиотека

Некогда Сэндшифт был процветающим городком, а жители его зарабатывали на жизнь преимущественно рыбным промыслом. Но сейчас доход приносили главным образом туристы-однодневки, которые съезжались на выходные, чтобы осмотреть окаменелости в береговом глинистом сланце или вдоволь нагуляться с собакой.

Перед уходом в библиотеку Марта, как обычно, предприняла бодрую двенадцатиминутную прогулку к расположенной внизу набережной. Каждое утро у нее начиналось одинаково – с растяжки для ног, глотка свежего воздуха и обдумывания дел на день. После чего она представляла в блокноте черточки, означающие «сделать сегодня».

Вчера вечером, после звонка Лилиан, она так устала, что было уже не до шитья. На то, чтобы пролистать загадочную книгу и прочесть хоть какие-нибудь рассказы, не осталось ни времени, ни сил. Отправляясь спать, она сунула ее в сумочку, чтобы показать потом Сьюки на работе.

По пляжу Марта брела словно сквозь патоку. Еле-еле переставляла ноги, ощущая, как из тела утекает жизнь. Что-то теснилось в груди, и, прижав к ней руки, она почувствовала, как внутри вспыхнула злость на свою глупую вялость.

Надо поднажать, иначе так я с делами никогда не разделаюсь.

Чтобы разогнать кровь, она, как поршнями, заработала руками. Так и промаршировала по песку, минуя большую пещеру с чернеющим входом в форме капли. Задержавшись на минуту, чтобы полюбоваться белым маяком, который, словно одинокая свечка на торте, высился на скалах, уступом вдающихся в море, она увидела чью-то голову в оранжевой плавательной шапочке, поплавок качающуюся на свинцовых волнах.

Надеюсь, у него есть полотенце, – подумала она, обшаривая глазами песок. *– Надеюсь, он знает, что в заливе бывает отбойное течение.*

В быстром темпе прогулявшись по кромке воды – морская пена с шипением подбиралась к ее туфлям, она подошла к бронзовой статуе русалки, главной городской достопримечательности.

У русалки был хвост полумесяцем и длинные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Она сидела на камне, глядя в море, навсегда застыв в ожидании рыбаков с лодки «Пегас». Гравировка на дощечке гласила:

*В память о семи жителях Сэндшифта,
не вернувшихся из моря в 1965 году.*

«Пегаса» поглотил жестокий шторм. После него остались вдовы и сироты – словно густой серый смог повис над городком с тех самых пор. В ту роковую ночь спасся только один парень, Сигфрид Фрост, он был восьмым в лодке.

Несмотря на то что несчастный случай произошел еще до Мартинога рождения, при виде имен семерых членов команды у нее всякий раз шевелились волосы на голове. Эти имена она знала наизусть, но все равно изо дня в день их перечитывала.

Достав бумажную салфетку, она отлепила от русалкиного хвоста комок жвачки, выбросила его в урну и принялась карабкаться по холму, все так же интенсивно работая руками.

* * *

Войдя в библиотеку, Марта прикрыла глаза и вдохнула земляной, миндальный аромат книг. Имей она возможность упрятать этот запах во флакон, она бы пользовалась им как парфюмом, *L'eau de la Biblioiothèque*.

Вынув из сумочки потертую книжицу, она тоже ее понюхала. Та пахла затхлостью и чем-то сладким, с еще какими-то, плохо различимыми, нотками, возможно, амбровыми или коричневыми.

С тех пор как в местном совете резко урезали бюджет, библиотеку наполовину поддерживали на плаву сами жители. Курировал ее из современного офиса в Малтсборо Клайв Фолдс, и по его выкладкам выходило, что два младших библиотекаря на смену – этого более чем достаточно. Однако с тех пор как их коллега Джуди из-за проблем со спиной ушла на длительный больничный, на плечи Сюки и Марты легло еще больше обязанностей.

К счастью, Томас с Бетти оставили Марте и Лириан приличную сумму. Марта свою долю почти истратила, и больше всего на свете ей хотелось получить официальное место в библиотеке.

Она помогала здесь уже четыре с лишним года, имела диплом по английской литературе, обожала книги и жаждала приносить пользу людям. Тем не менее Клайв лично отверг три ее заявления. Он предпочитал молодые, свежие кадры.

В ящике письменного стола у Марты лежала четвертая по счету анкета для поступления на работу. Она успела изучить ее вдоль и поперек. Срок подачи заканчивался еще только через три недели, а она пока даже не приступала. Каждый раз при взгляде на графы «Образование», «Опыт» и «Предыдущие места работы» у нее сжималось сердце – Клайв наверняка снова ее отбракует.

Работа в библиотеке ее хоть как-то вдохновляла. Когда-то они с Зельдой ползали здесь по полу на четвереньках. Водили пальцами по разноцветным книжным корешкам и гладили обложки. Шептались и рассказывали друг другу сказки.

Когда Зельда умерла, в этом здании из серого камня, с плоской крышей и высокими щелевидными окнами с видом на Сэндшифтский залив Марта находила утешение. Часами глядела вниз, на золотую дугу залива, прижимаясь щекой к холодному стеклу и сердито смахивая слезы.

После школы и по выходным она забивалась в отдел художественной литературы и, упершись подбородком в колени, читала. Вспухавшие от ее слез книжные страницы помогали избыть горе. Она ежилась, читая у Джеймса Герберта и Стивена Кинга про неприкаянных школьников и хищных крыс, терялась в пышных фразах Ивлиана Во и познакомилась с некоторыми людскими тайнами благодаря жарким сценам из изданий «Миллза и Буна»². Библиотека была ее Нарнией – и тогда, и сейчас.

Сюки обнаружила за стойкой регистрации, почти до самого носа заслоненная стопками книг. Она была из юных ставленниц Клайва и поступила к ним меньше пяти месяцев назад.

Сюки носила летящие платья до щиколоток, с рисунком в «огурцы», расшитые бисером сандалии и кольцо в носу, больше уместное на музыкальном фестивале в Калифорнии, но дело свое, по мнению Марты, знала. Она была практичной и спокойной, как удав. Можно ли было назвать их подругами? Марта не знала, потому что не знала, что нужно сделать, чтобы с кем-то подружиться.

² «Миллз и Бун» (с 1908 г.) – британское издательство, специализирующееся на романтической литературе.

Сьюки глянула на нее воспаленными глазами из-под светлой челки – неровной, с рваными прядками. Их кончики с лиловым омбре были мокрыми от слез.

Марта на автопилоте перешла в режим повышенной активности – плечи назад, подбородок вверх. Извлекла из кармана упаковку бумажных салфеток. Протянула одну и подождала – с той стороны за нее дернули, словно клонула рыба. Из-за стопок книг раздалось громкое сморкание.

– Это снова из-за Бена? – осторожно спросила Марта. – Ему не понравилась ваша стряпня?

Сьюки раздула ноздри и принялась обмахиваться рукой:

– Он выбрал свои вещи из гостевой комнаты и даже не стал пробовать мой пирог с луком и сыром.

Марта уже привыкла к тому, что Сьюки неверно употребляет слова и ошибается в ударениях, и решила ее не поправлять. Посмотрела на ее заметно увеличившийся живот.

– Я уверена, все было очень вкусным. Давайте я принесу вам хорошую кружку чаю с печеньем. Я захватила для вас подушечку для спины и статью о грудном вскармливании. Сколько осталось до появления малыша?

– Шесть недель. Бен до сих пор шьется с той девчонкой с его работы. Говорит, никак не может выбрать из нас. Я поставлю перед ним кульминацию.

– Вы хотели сказать – ультиматум?

– Ну да, наверное. Придется, видно, нам с «шишечкой» обходиться без него...

– Вы точно думаете, что не получится все наладить? – Марта открыла ящик стола и тихонько запустила в него руку. – Может, вам стоит немного отдохнуть друг от друга? Или у меня где-то была вырезка из журнала про психологическую помощь для пар.

Сьюки стиснула салфетку в руках.

– Ему просто нужно наконец принять решение. Я люблю его до сих пор. Вы ведь знаете, каково это, да? Даже вы, наверное, хотя бы раз влюблялись.

Марта отдернула руку. От слов «даже вы» внутри все заледенело.

Много лет назад, до того, как она вернулась ухаживать за родителями, был у нее тот, кто ее любил. Они с Джо обожали танцевать у моря в сумерках, в любую погоду. Устраивались на одеяле в пещере с входом-каплей и зачитывали друг другу отрывки из книг. Он вырезал на стене пещеры ее инициалы, а она ради него красила ногти на ногах в нежно-розовый цвет.

Пять лет он был частью ее жизни, помогая заполнить пустоту, оставшуюся после ухода Зельды. Марта представляла, как они поженились и у них по всему дому будут валяться яркие детские книжки с картинками. Но потом она взвалила на себя тяжкое бремя, и мечты разлетелись вдребезги.

Сегодня Марта уже не выиграла бы конкурс красоты, но когда к стойке бочком пробирався читатель и, поскребывая подбородок, говорил: «Не знаю, как называется, но обложка красная, а на ней вроде бы собака» – она знала ответ.

– Мы говорим о вас, а не обо мне, – торопливо ответила она.

Она заварила Сьюки чай, насыпала в блюдо печенье сердечками. Достала из хозяйственной сумки и взбила голубую атласную думку. Выложила из сумочки на стол книжку Зельды.

– Ух... Это наша такая? – метнула взгляд Сьюки. Она положила подушечку под спину и теперь уминала ее под себя.

– Нет. Вчера вечером я увидела, как кто-то шныряет вокруг библиотеки. Судя по всему, ее оставили для меня.

– Вы приходили? – нахмурилась Сьюки. – На встречу с автором? – Марта кивнула. – Но Клайв должен был всех предупредить, что Люсинда не сможет. Звонил ее издатель.

Марта быстро опустила глаза.

– Мне он не сказал.

Сьюки переменялась в лице.

– О боже, Марта, простите. Я не знала. Увлекалась Беном и малышом.

– Все в порядке, – успокоила ее Марта. – Зато я обнаружила книгу. Ее передал некто по имени Оуэн Чемберлен.

Сьюки подобралась и села поровнее.

– А, да. Чемберлен открыл новый книжный магазин в Малтсборо, за спасательной станцией. Магазин новый, а торгует старыми книжками. – Она взяла книгу и принялась ее листать. – Какие роскошные иллюстрации.

– Внутри есть дарственная надпись от моей бабушки, Зельды. Только она сделана через три года после ее смерти.

Сьюки нахмурилась.

– Странно как, прямо Агата Кристи какая-то.

– А может, это ошибка. Что более вероятно.

– Вы ему позвоните?

Марта колебалась. При воспоминании о том, как пренебрежительно отнеслась к книге Лилиан, зачесались ладони.

– Сестра сказала, чтобы я о ней забыла.

– Но освящение ведь было сделано вам, а не ей.

– Посвящение, – поправила Марта.

Она смотрела на телефон на стойке и снова вспоминала, как Зельда ползала тут на четвереньках. Ей до сих пор ужасно ее не хватает.

– Полагаю, позвонить можно, – сказала она наконец. – Чтобы развязаться с этой ситуацией.

– Именно.

Марта вытащила из книги записку, взглядела в телефонный номер, но в этот момент распахнулась входная дверь. Порывом ветра записку вырвало из рук. Она взмыла в воздух и легким перышком опустилась на пол.

– Да, – донесся громкий голос Лилиан. – Вам придется побыть здесь...

Из-за угла показались Уилл и Роуз. На обоих были джинсы и мешковатые кофты с капюшоном, и по их кислому виду было ясно, что оставаться здесь им не хочется.

У тринадцатилетнего Уилла волосы торчали в стороны – платиново-белые, они резко контрастировали с густыми черными бровями. Роуз была на три года младше. Ее волосы цвета осенней листвы и начищенной меди спиральками обрамляли овальное лицо.

Лилиан подтолкнула их вперед и почесала уголок глаза.

– Привет, Марта, – сказала она. – Я за своей Ахерн.

– Она тебя ждет. И еще я принесла ту старую книгу, о которой говорила.

Лилиан на мгновение прикрыла глаза ладонью.

– Хорошо, только мне нужно попросить тебя об одолжении. Не присмотришь за детьми? У меня выезд по работе.

Уилл закатил глаза.

– Ага, как же. Ты едешь в Малтсборо, в «Чичетти». Тебя подруга на ланч пригласила.

Лилиан зыркнула на него и натянуто улыбнулась.

– В общем, да. Мы с Энни перекусим, но у нас и другие дела намечены. – Она придвинулась к Марте и понизила голос: – Хочу с Энни кое о чем поговорить. Это важно. Дети вам мешать не будут. Просто посидят, читают книжки или еще что-нибудь.

В прошлый раз, когда Уилл и Роуз околачивались в библиотеке, Марта получила выговор от Клайва. Он упрекал ее в том, что она использует работу в личных целях.

– Я бы рада помочь, но...

– Отлично, – перебила ее Лилиан, облегченно вздохнув. – Спасибо тебе огромное. К двум я вернусь. Ну или к двум тридцати. Может, к трем... А теперь мне пора бежать.

– Но книга... – Марта взяла ее в руки и протянула сестре.

Лилиан, нахмурившись, осторожно ее взяла. Быстро пролистала страницы и, дойдя до надписи Зельды, поджала губы.

– Дату видишь? – подсказала Марта.

Со щек Лилиан разом сошла краска. Она откашлялась.

– Скорее всего, Зельда напутала, вот и все.

– Как-то это странно.

Лилиан протянула книгу обратно. Поправила сумочку на плече.

– Не понимаю, почему ты так носишься с этим хламом, когда вокруг тебя так много прекрасных книг. Да выброси ты ее. На ней, наверное, куча микробов.

В голосе сестры слышалось раздражение, и Марта решила не нагнетать. Она улыбнулась и ответила: «Да, хорошо» – а сама никак не могла взять в толк, почему Лилиан так упорно отвергает эту загадочную книжицу.

* * *

Уилл снял ботинки и уселся на пол в отделе истории, вытянув ноги и перегородив проход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.